

УДК 008.009:39
ББК: 71.05:83.3(2)

Марианна Андреевна Дударева

Российский университет дружбы народов, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка № 2, Россия, Москва; журнал «Невечерний свет/Infinite», заведующая отделом литературоведения и межкультурной коммуникации, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Апофатика цвета в рассказах Б. Зайцева «Мгла» и «Белый свет»: онтологический и культурологический аспекты

Аннотация. Статья приурочена к 140-летию со дня рождения русского писателя Б. Зайцева и посвящена апофатике русской художественной культуры, а именно феномену цвета в рассказах «Мгла» и «Белый свет», которые входят в сборник «Белый свет» (1922 г.). Произведения анализируются с культурфилософских позиций. Объектом исследования в самом широком смысле слова является апофатика словесной культуры, которая проявляется через танатологический дискурс, лиминальные состояния героев, что выражено автором через особую цветопись. Смерть априори апофатична, но это не значит, что мы не можем приблизиться к ее пониманию. В центре внимания оказываются колоративы «белый» и «черный», которые употребляются Зайцевым в доминантном и символическом значении: белый соотносится со Светом, а черный – с Тьмой. Оба цвета рассматриваются с культурфилософских позиций не только ахроматичными, но и апофатичными: черный цвет вступает в парадигматические отношения с белым, одухотворяя его, выражаясь языком антропософского учения, с которым писатель был знаком. Онтогерменевтическая реконструкция по выявлению этосов жизни и смерти в указанных рассказах позволяет приблизиться к апофатическому горизонту русской словесной культуры. Результаты исследования заключаются в целостном культурфилософском осмыслении феномена цвета в рассказах Б. Зайцева. Ведется дискуссия с мнением исследователей относительно главных образов, их природы и функций в произведении. Полученные результаты могут быть интересны как культурологам для последующего социального-философского анализа феномена цвета, так и филологам, изучающим поэтику Б. Зайцева.

Ключевые слова: апофатика культуры, поэтика Б. Зайцева, антропософия, этос, феномен цвета, онтология, герменевтика, колоратив «белый», колоратив «черный»

Marianna Andreevna Dudareva

Peoples' Friendship University of Russia, PhD (Philology), Senior teacher of the department of Russian language №2, Russia, Moscow, the journal "Невечерний свет/Infinite", Head of the department of Literature studies and intercultural communication, Russia, St. Petersburg, e-mail: marianna.galieva@yandex.ru

The apophatic dimension of color in B. Zaitsev's stories "Mist" and "White Light": its ontological and cultural aspects

Annotation. This article is timed to coincide with the 140th anniversary of the birth of the Russian writer B. Zaitsev and it is devoted to the apophatic dimension of Russian artistic culture, namely, the phenomenon of color in the stories "Mist" and "White Light", which are included in the collection "White Light" (1922). The works are analyzed from a cultural-philosophical point of view. The research object in its widest sense is the apophatic dimension of verbal culture, manifested through a thanatological discourse and liminal states of the heroes, expressed by the author through a special color. Death is a priori apophatic, but this does not mean that its meaning cannot be approached. The focus is on the colors "white" and "black", which are used by Zaitsev in a dominant and symbolic sense: white correlates with Light, and black – with Darkness. Both colors are considered from cultural-philosophical positions not only as achromatic, but also as apophatic: black enters into a paradigmatic relationship with white, spiritualizing it – to use the terms of the anthroposophical teaching, known to the writer. The ontogenetical reconstruction of the ethos of life and death in these stories allows us to approach the apophatic horizon of Russian verbal culture. This study gives the reader a holistic cultural and philosophical understanding of the phenomenon of color in the stories of B. Zaitsev. The main images, their nature and functions in the work are discussed. The results obtained may be of interest both to cultural scientists for the subsequent social and philosophical analysis of the phenomenon of color, and to philologists studying the poetics of B. Zaitsev.

Key words: apophatic dimension of culture, B. Zaitsev's works, anthroposophy, ethos, the phenomenon of color, ontology, hermeneutics, "white" colorization, "black" colorization

DOI: 10.17588/2076-9210.2021.2.160-170

Цвет играет важную роль какв жизни отдельного человека, так и в культуре целого народа. В современной мировой гуманитаристике накопилось достаточно работ, в которых осмысляется ведущая роль цвета в культуре, и цвет в них рассматривается с учетом разных подходов: механистического, феноменологического и эстетико-феноменологического². Последний подход, берущий свое начало в трудах Гете, особенно актуален сегодня, поскольку цвет при этом наделяется онтологическим смыслом. С таких позиций к нему подходят в психолингвистике, литературоведческих³ и искусствоведческих исследованиях⁴. Теоретик искусства швейцарский художник И. Иттен, выдвинувший свою теорию цвета, рассматривает цвет с метафизических позиций; у него цвет связан со светом и

² См.: Мишенькина Е.В. Концепт «свет – цвет» в этнопсихолингвистике // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 1. С. 218 [1].

³ См.: Ермаковская Т.А. Специфика функционирования лексем микрополя «свет» в художественном пространстве Б.К. Зайцева // Инновации в науке. 2017. № 3(64). С. 52–55 [2].

⁴ См.: Иттен И. Искусство цвета. М.: Д. Аронов, 2008. 96 с. [3].

даже с *бесцветностью*: «Цвета являются изначальными понятиями, детьми первородного бесцветного света и его противоположности – бесцветной тьмы»⁵. Такая амбивалентность заставляет задуматься об апофатической традиции в культуре. Вспомним, вслед за Н.В. Брагинской и А.И. Шмаиной-Великановой, о явлении света *вечернего* и *невечернего*, рождении света во тьме⁶, а также парадигматических отношениях Света и Тьмы. Здесь пишем слова «Свет» и «Тьма» с заглавной буквы, поскольку они предстают в доминантном (цветовом) и в переносном символическом значении, что в целом характерно для эстетики и поэтики модернизма⁷, а также для антропософской концепции цвета Рудольфа Штайнера⁸, философские идеи которого повлияли на представителей Серебряного века А. Белого и М. Волошина. В начале *некалендарного* XX века в психологии и психиатрии стала широко применяться цветотерапия, и цвет уже тогда воспринимался как особый феномен культуры⁹.

С этой точки зрения рассмотрим светопись в рассказах известного писателя начала XX в. Б. Зайцева «Мгла» (1904 г.) и «Белый свет» (1921 г.). Целью исследования является культурфилософское осмысление апофатической стороны белого и черного цветов, связанных в русской культуре с образами-кодами Света и Тьмы. Эти рассказы, несмотря на то что принадлежат к разным периодам творчества писателя, составляют два цветовых и световых центра одного сборника «Белый свет» (1922 г.). Исследователи в последнее время все чаще обращаются к особенностям семантики колоративов «синий», «желтый», «белый» и «черный» в поэтике произведений Б. Зайцева¹⁰, указывая нередко на неожиданную противоположность значений ахроматических цветов (черное мыслится положительно, а белое приобретает негативное значение). Например, в русской словесной культуре со-противопоставление жизни и смерти воплотилось в образе *черного солнца*¹¹. Именно в таком световом образе, *полуденной тьме*, выражается, по мысли М. Хайдеггера, потаенное бытие: «Обывательское

⁵ См.: Иттен И. Искусство цвета. С. 10.

⁶ См.: Брагинская Н.В., Шмаина-Великанова А.И. Свет вечерний и свет невечерний // Два венка: Посвящение Ольге Седаковой. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. С. 73–92 [4].

⁷ См. об этом подробнее: Захарова В.Т., Оляндэр Л.К. Цвет, свет и тьма в нарративной системе горьковского цикла «По Руси» [Электронный ресурс] // Вестник Минского университета. 2015. № 4(12). URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/97/98#> (дата обращения: 17.03.2021) [5].

⁸ См.: Штайнер, Р. Сущность цветов: Три лекции, прочитанные в Дорнахе 6, 7 и 8 мая 1921 года, а также девять лекций в качестве дополнения из лекционного наследия 1914–1924 гг. СПб.: Ключи, 2017. 304 с. [6].

⁹ См.: Серов Н.В. Светоцветовая терапия (Терапевтическое значение цвета: информация – цвет – интеллект). СПб.: Речь, 2001. С. 7 [7].

¹⁰ См.: Ермаковская Т.А. Семантическая репрезентация лексем микрополя синего цвета в прозе Б.К. Зайцева // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 1(26). С. 45–48 [8]; Ермаковская Т.А. Семантические особенности лексем микрополя желтого цвета в прозе Б.К. Зайцева // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 2 (13). С. 66–71 [9].

¹¹ См.: Федотов О.И. Черное солнце Ивана Шмелева // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 4. С. 93–109 [10].

мнение видит в тени только нехватку света... тень есть явное, хотя и непроницаемое свидетельство потаенного свечения» [11, с. 62]. Интересно проследить, какими коннотациями наполняются черный и белый цвета в указанных рассказах. Онтогерменевтическая реконструкция, нацеленная на высвечивание этосов смерти и жизни, может в данном случае оказаться продуктивной и помочь приблизиться к апофатическому горизонту произведений классика. Этос, вслед за В.П. Океанским, будем понимать по-хайдеггеровски, т.е. как место пребывания, *на-селенную* вселенную, культурно освоенный топос¹². Апофатику – как феномен русской культуры, поскольку русский духовный опыт, по мысли М.Н. Эпштейна, автора статьи «Апофатизм (апофатика)» из Проективного философского словаря, носит апофатический характер, но при этом может быть понят и разъяснен, предполагает инициацию и контроль перехода в бессознательное¹³. Апофатика – древнее понятие, восходящее к античному философскому наследию, – сегодня иррадиировала во все гуманитарные парадигмы: философские¹⁴, культурологические¹⁵, филологические¹⁶. Богатым источником апофатических воззрений в русском космо-психо-логосе является фольклор, который нередко инспирирует художественное авторское слово. Апофатика всегда входила в сферу культуры, проявляя себя через конкретные поэтические размышления, художественное мышление, выступая своего рода априорным условием для них, но не логическим, а *культурологическим*. Апофатика – условие погружения в инобытие в художественном космосе. К апофатическому горизонту нашей логоцентричной культуры можно приблизиться именно через литературу, которая одной из первых транслирует, по мысли ведущих культурологов современности И.В. Кондакова, А.Я. Флиера, культурные смыслы¹⁷.

В диссертациях последних лет, посвященных поэтике Б. Зайцева, находим последовательный анализ рассказов «Мгла» и «Белый свет»¹⁸. Однако ли-

¹² См.: Океанский В.П. Этосы жизни и смерти у Хомякова и Шопенгауэра (культурологические размышления к обоснованию сопоставления) // Соловьевские исследования. 2011. Вып. 3(31). С. 127 [12].

¹³ См.: Проективный философский словарь. СПб.: Международная кафедра (ЮНЕСКО) по философии и этике Санкт-Петерб. Научного центра РАН, 2002. С. 32 [13].

¹⁴ См.: Варава В.В. Философская танатология или апофатическая философия? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. 2013. № 2 (145). Вып. 23. С. 112–117 [14]; Гуревич П. Спирина Э. Наука в горизонте апофатики // Философская антропология. 2019. Т. 5, № 1. С. 6–25 [15].

¹⁵ См.: Грачев В.И. Культурфеномен апофатики «Диалектики мифа» А.Ф. Лосева в контексте топохронно-аксиогенной парадигмы культуры [Электронный ресурс] // Культура культуры. 2019. № 3. URL: <http://cult-cult.ru/cultures-the-phenomenon-of-apophatic-the-dialectics-of-myth-by-a-f-losev> (дата обращения: 22.03.2021) [16].

¹⁶ См.: Елепова М.Ю. Эстетика В.А. Жуковского в апофатическом контексте // Дискуссия. 2012. № 4(22). С. 176–178 [17].

¹⁷ См.: Культурология. XX век: словарь / сост. и ред. А. Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 251 [18].

¹⁸ См.: Полтавская Е.А. Эволюция художественного сознания в творчестве Б.К. Зайцева: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 153 с. [19].

тературоведы обычно большое внимание уделяют творческому методу, выявляя экспрессионистические элементы в рассказах писателя: анализу подвергается поведение персонажей, их внутренний мир¹⁹. В этой связи стоит вспомнить и о доминантной черте зайцевского творчества – безличности, «отстраненности» взгляда самого писателя от того, что он описывает. Именно в такой манере созданы рассказы с *неоконтуренной* композицией «Мгла» и «Белый свет». Такая композиция, например, характерна, по тонкому наблюдению Д.Н. Медриша, для чеховской «Степи»²⁰. Мы знаем, куда и зачем едет мальчик Егорушка в бричке по раскаленной летней бескрайней степи, но мы не знаем, *как* и *чем* разрешится это путешествие, которое носит, по замечанию М.Ч. Ларионовой, инициационный характер, а пространство степи выполняет функции пространства перехода, иначе говоря, *смерти*²¹. Не стоит говорить, как относился Зайцев к классику, достаточно прочесть его отрывок «Памяти Чехова». Зайцев органично связан с чеховской традицией на каком-то глубинном, а не внешнем уровне, и это отразилось в бессюжетности рассказа «Мгла».

Фабула рассказа довольно проста: люди едут рано утром, *в полутьмах*, на охоту на волка и возвращаются с добычей к вечеру. Однако для героев Зайцева важен не столько результат – загнать волка, сколько состояние, которое можно определить как *лиминальное*, то есть пограничное, в котором пребывают охотники. Во-первых, стоит обратить внимание на подробные цветочные описания времени суток, природы, снега: «День теплый, сыровато-туманный. В далеком свинцовистом воздухе, над вылезшими из *мутно-белого* снега пятнами лесочков перетягиваются и лениво ворочаются *хмурые* небеса, и на всем лежит этот таинственный, *мглисто-сизоватый* налет *уходящей ночи*» (курсив наш. – Д.М.). [22, с. 22]. В полутьмах начинается охота, еще не видно волка, но уже что-то клокочет в сердце героя: «Что-то темное, мрачно-сладоострастное подкатывает к сердцу» [22, с. 22]. Состояние героя созвучно состоянию природы, автором точно выбран час, когда должно свершиться *главное*, – переходное время, вхождение в новый день в предрассветный час: «Дрожь пробирает; не холодно, в сущности, но как-то суровы и угрюмо пронизывающи всегда эти утренние, зимние полупотемки» [22, с. 21]. Такое время, по наблюдению Л.С. Выготского, самое пугающее и одновременно значимое в мистическом отношении: «Перед самым рассветом есть час, когда пришло уже утро, но еще ночь. Нет ничего таинственнее и непонятнее, загадочнее и темнее этого странного перехода ночи в день» [23, с. 96]. Этот переход в рассказе «Мгла» носит апофатический характер, что проявляется на цветовом уровне, но цвета здесь даны в полутонах и

¹⁹ См.: Полтавская Е.А. Эволюция художественного сознания в творчестве Б.К. Зайцева: дис. ... канд. филол. наук. С. 20.

²⁰ См.: Медриш Д.Н. Сюжетная ситуация в русской народной лирике и в произведениях А.П. Чехова // Славянские литературы и фольклор. Русский фольклор. Л.: Наука, 1978. Т. XVIII. С. 73–95 [20].

²¹ См.: Ларионова М.Ч. Повесть А.П. Чехова «Степь» в аспекте традиционной культуры // Десять шагов по «Степи». Idyllwild: Charles Schlacks, Jr. Publisher, 2017. С. 74–91 [21].

наполнены символическим значением, или, выражаясь антропософским языком, *одухотворены*.

Р. Штайнер (с идеями философа Б. Зайцев был знаком, писатель не раз пишет о влиянии антропософского учения на творчество А. Белого в своих воспоминаниях о современниках²²) разработал теорию о сущности цвета, *цвета-переживания*, связывая черное с образом (имагинацией) смерти, белое – с жизнью и светом: «Нельзя говорить о цветовых переживаниях как филистер, ибо тогда вообще не прийти к переживанию цвета. <...> Что черное есть тьма, – в этом мы не сомневаемся; поэтому нам весьма легко идентифицировать белое со светлым, со светом как таковым. Короче говоря, когда мы поднимаем всё наше рассмотрение в область ощущений, мы уже находим там глубокую связь белого со светом» [6, с. 39]. Однако далее философ указывает на *одухотворенный* характер черного цвета, который вступает в парадигматические отношения с белым: «Именно черным штрихом, черной поверхностью вы одухотворяете белое» [6, с. 42]. Интересно в этой связи то, что в рассказе Б. Зайцева с характерным названием «Мгла» частотен именно белый цвет: «Гоню Серенького. Целиком, без дороги, захлебываясь от волнения, мы скачем по *белому снегу*, под загадочно серым небом, где совсем ничто не звучит: жалкий мой выстрел был похож на щелк пастушьего кнута. Выходит так, будто навалили в гордом, пустынном месте пухлый слой *белой ваты*, чтобы разные чудачки не мешали звуками этому небу и этой земле, которая туда глядит» [22, с. 23]. С колоративом «белый» связан и мотив одиночества и беспомощности людских деяний: «Что-то ночное, жуткое, похожее на те таинственные *утренние полупотемки*, в которых мы ехали сюда, наполняет мою душу и толкает вперед по белому полю за *ненужным* волком» [22, с. 24]. Здесь важна кольцевая композиция, которая выразилась латентно: утром, в полутьмах, охотники отправляются на волка, ввечеру, в таких же полутьмах, герой наконец ловит своего *ненужного* волка. В этом и выражается апофатика поведения героя, который и сам чувствует всю ненужность охоты и никчемность добычи. Но прозревает он это только в момент мировой полночи, когда Тьма заглядывает в его глаза: «Много позже, когда все в доме спали, я отправился через целую вереницу пустых, гулких комнат в залу посмотреть, заперта ли балконная дверь. Толкнув ее, я вышел на балкон. Снег слабо белел на нем, а дальше *чернела, как непереходимая бездна*, бесконечная бушующая мгла, то свивавшаяся вихрями, то удушающе налетавшая спереди, с воем охватывая всего, с головы до пят... Мне не было жаль ни себя, ни волка, ни старую кухарку Аграфену, но не было бы странно и то, если бы в этой безлюдной тьме я увидел неподвижное лицо Вечной Ночи с грубо вырубленными, сделанными как из камня огромными глазами, в которых я прочел бы спокойное, величавое и равнодушное отчаяние» [22, с. 26]. Эта Тьма носит амбивалентный

²² См.: Зайцев Б. Мои современники. Лондон: ОРИ, 1988. С. 41–43 [24].

характер, она *апофатична*, поскольку связана со Светом, до которого герою нужно дорасти.

Из тени и в тени возникает свет, о чем подробно писал в порубежный период и русский философ Н.А. Бердяев, повлиявший на творческую мысль Б. Зайцева: «Из Ungrund'a, из Бездны рождается свет, Бог, совершается теогонический процесс и истекает тьма, зло как тень божественного света. Зло имеет источник не в рожденном Боге, а в основе Бога, в Бездне, из которой течет и свет, и тьма» [25, с. 155]. Рассказ «Мгла» в этом отношении представляет «темный» световой центр сборника, но эту Тьму должен преодолеть зайцевский герой, поскольку она является лишь необходимостью на инициационном пути к Свету.

Противоположный световой центр представлен еще в более бессюжетном рассказе «Белый свет», посвященном, на первый взгляд, жизни разоренной революцией Москвы (по крайней мере, обычно на этом делают акцент исследователи). Рассказ «Белый свет», так же как и «Мгла», передает внутренние переживания героя, который как бы бесцельно осматривает улицы, площади новой Москвы: «Бедная жизнь, малая жизнь, что о тебе сказать, чем порадовать? Не сердись и не обижайся. Будем скромней. Ведь *в тебе несусь*, ты принимаешь, и снежок зимний на Арбате зимнем посыпает и меня, да и тебя, ветер завивает и уносит, все уносит, рады мы, или не рады» [22, с. 169]. Однако это повествование уже не о чем-то конкретном (в рассказе вовсе отсутствует событие (в «Мгле» хотя бы представлена картина охоты)), а о всепринятии жизни, в потоке которой «несется» герой. Колоратив «белый» имеет здесь и доминантное значение (белый снег, белая улица, белая жидкость), и символическое, наполняется онтологическим смыслом, соотносясь со всем белым светом, *этим* светом и *тем* светом, доступным и не доступным одновременно для понимания героя: «Ну что же, где же драмы, и томления, и страсти сердца, и любви мечтанья? Как пустынно! Как легко идти. Белое небо, белый снег порхающий, белая жизнь, белая душа» [22, с. 173]. Кроме того, стоит обратить внимание, что с белым связан феномен смерти, которая здесь же просто и тихо в зайцевской манере «отторгается» смехом: «И среди трагедии и фарса, цены на молоко, возни с обедом, очереди в булочной, среди смеха, смерти, сладких пирожков и рева голода подьмлет свой бокал, с вином, крови подобным. Белый же свет смутно, бережно нас осыпает крылом хладным» [22, с. 174]. И в этом глаголе «осыпает» прослеживается связь реального и ноуменального, этого и того света – белым может быть и снег, и свет, и смерть. В белом герой растворяется, по крайней мере, по замыслу художника слова, должен раствориться и быть довольным жизнью: «Судьба? Так что ж. Терпи, трудись спокойно, в области высокой. И надейся. Мечтай: об океанах, о далеком, о неведомом. Не всегда же Арбат» [22, с. 174]. Конкретный топос «Арбат» с его повседневностью противопоставляется *неведомому*, лежащему за пределами данного, относящемуся к сакральной геогра-

фии (духа). Но прозреть эти истины человек сможет лишь в борьбе с волком, который олицетворяет его alter ego.

По мысли немецкого философа Х. Фрайера, «человеческий дух реализовал себя в известных образах и порядках чувственного мира»²³. Так, через цвет, связанный со светом (любой цвет связан со светом, особенно ахроматичные цвета), мы постигаем апофатику как феномен русской логоцентричной культуры. Цвет – это проявление апофатического во внешнем мире, как и сон, болезнь, смерть, многие феномены культуры, имеющие трансцендентную природу. Апофатичность ахроматичных цветов, представленная в поэтике рассказов Б. Зайцева разного периода, позволяет приблизиться и к апофатическому горизонту художественного слова.

Представленные рассказы, «Мгла» и «Белый свет», отличаются друг от друга цветовой гаммой. Однако их имманентное прочтение позволяет выявить концепцию Света и Тьмы, соотносящуюся с колоративами «белый» и «черный» и, шире, этосами жизни и смерти. Тьма (черный цвет) носит амбивалентный характер у Зайцева, она апофатична, необходима для познания самого себя и окружающего (внешнего) мира, поскольку только в пограничный час, оказавшись на *пороге* бытия, герой может преодолеть свои низменные инстинкты. Только в этом случае белый цвет, выражаясь антропософским языком, *одоухотворяется* и обретает подлинное значение. Черной и белой нитью «прошит» сборник «Белый свет», что создает ощущение апофатичности, явления иерофании, выражаясь языком М. Элиаде²⁴, в художественном космосе Зайцева, у которого во многих рассказах книги появляется остро пахнущий *белый снег* – предвестник Другого (в хайдеггеровском понимании). Представляется, что дальнейшее исследование избранной темы лежит в плоскости расширения объема литературного материала, что позволит с большей основательностью апробировать разработанную методологическую схему.

Список литературы

1. Мишенькина Е.В. Концепт «свет – цвет» в этнопсихолингвистике // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 1. С. 218–221.
2. Ермаковская Т.А. Специфика функционирования лексем микрополя «свет» в художественном пространстве Б.К. Зайцева // Инновации в науке. 2017. № 3(64). С. 52–55.
3. Иттен И. Искусство цвета. М.: Д. Аронов, 2008. 96 с.
4. Брагинская Н.В., Шмаина-Великанова А.И. Свет вечерний и свет невечерний // Два венка: Посвящение Ольге Седаковой. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. С. 73–92.
5. Захарова В.Т., Оляндэр Л.К. Цвет, свет и тьма в нарративной системе горьковского цикла «По Руси» [Электронный ресурс] // Вестник Минского университета. 2015. № 4(12). URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/97/98#> (дата обращения: 17.03.2021).

²³ См.: Фрайер Х. Теория объективного духа. Введение в культурфилософию. СПб.: Владимир Даль, 2013. С. 39 [26].

²⁴ См.: Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 17 [27].

6. Штайнер Р. Сущность цветов: Три лекции, прочитанные в Дорнахе 6, 7 и 8 мая 1921 года, а также девять лекций в качестве дополнения из лекционного наследия 1914–1924 гг. СПб.: Ключи, 2017. 304 с.
7. Серов Н.В. Светоцветовая терапия (Терапевтическое значение цвета: информация – цвет – интеллект). СПб.: Речь, 2001. 256 с.
8. Ермаковская Т.А. Семантическая репрезентация лексем микрополя синего цвета в прозе Б.К. Зайцева // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 1(26). С. 45–48.
9. Ермаковская Т.А. Семантические особенности лексем микрополя желтого цвета в прозе Б.К. Зайцева // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 2(13). С. 66–71.
10. Федотов О.И. Черное солнце Ивана Шмелева // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 4. С. 93–109.
11. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
12. Океанский В.П. Этосы жизни и смерти у Хомякова и Шопенгауэра (культурологические размышления к обоснованию сопоставления) // Соловьёвские исследования. 2011. Вып. 3(31). С. 125–136.
13. Проективный философский словарь. СПб.: Международная кафедра (ЮНЕСКО) по философии и этике Санкт-Петерб. Научного центра РАН, 2002. 512 с.
14. Варава В.В. Философская танатология или апофатическая философия? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. 2013. № 2(145), вып. 23. С. 112–117.
15. Гуревич П., Спирина Э. Наука в горизонте апофатики // Философская антропология. 2019. Т. 5, № 1. С. 6–25.
16. Грачев В.И. Культурфеномен апофатики «Диалектики мифа» А.Ф. Лосева в контексте топохронно-аксиогенной парадигмы культуры [Электронный ресурс] // Культура культуры. 2019. № 3. URL: <http://cult-cult.ru/cultures-the-phenomenon-of-apophatic-the-dialectics-of-myth-by-a-f-losev> (дата обращения: 22.03.2021).
17. Елепова М.Ю. Эстетика В.А. Жуковского в апофатическом контексте // Дискуссия. 2012. № 4(22). С. 176–178.
18. Культурология. XX век: словарь / сост. и ред. А.Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 1997. 640 с.
19. Полтавская Е.А. Эволюция художественного сознания в творчестве Б.К. Зайцева: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 153 с.
20. Медриш Д.Н. Сюжетная ситуация в русской народной лирике и в произведениях А.П. Чехова // Славянские литературы и фольклор. Русский фольклор. Л.: Наука, 1978. Т. XVIII. С. 73–95.
21. Ларионова М.Ч. Повесть А.П. Чехова «Степь» в аспекте традиционной культуры // Десять шагов по «Степи». Idyllwild: Charles Schlacks, Jr. Publisher, 2017. С. 74–91.
22. Зайцев Б. Белый свет. М.: Худож. лит., 1990. 239 с.
23. Выготский Л. Трагедия о Гамлете, принце датском, В. Шекспира // Выготский Л. Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 1. Драматургия и театр. М.: Левь, 2015. С. 77–304.
24. Зайцев Б. Мои современники. Лондон: ОРИ, 1988. 168 с.
25. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. М.: Искусство, 1994. 544 с.
26. Фрайер Х. Теория объективного духа. Введение в культурфилософию. СПб.: Владимир Даль, 2013. 359 с.
27. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 144 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Vygotskiy, L. Tragediya o Gamlete, printse datskom, V. Shekspira [The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark, W. Shakespeare], in Vygotskiy, L. *Polnoe sobranie sochineniy v 16 t., t. 1. Dramaturgiya i teatr* [Complete collection of works: in 16 vols., vol. 1. Dramaturgy and theater]. Moscow: Lev", 2015, pp. 77–304.

Individual Works

2. Berdyaev, N.A. *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva* [Philosophy of creativity, culture and art]. Moscow: Iskustvo, 1994. 544 p.

3. Zaitsev, B. *Moi sovremenniki* [My contemporaries]. London: OPI, 1988. 168 p.

4. Zaitsev, B. *Belyy svet* [White light]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1990. 239 p.

(Articles from Scientific Journals)

5. Ermakovskaya, T.A. Spetsifika funktsionirovaniya leksem mikropolya «svet» v khudozhestvennom prostranstve B.K. Zaitseva [The specificity of the functioning of lexemes of the microfield "light" in the artistic space of B.K. Zaitseva], in *Innovatsii v nauke*, 2017, no. 3(64), pp. 52–55.

6. Ermakovskaya, T.A. Semanticheskaya reprezentatsiya leksem mikropolya sinego tsveta v proze B.K. Zaitseva [Semantic representation of blue microfield lexemes in the prose of B.K. Zaitsev], in *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2011, no. 1(26), pp. 45–48.

7. Ermakovskaya, T.A. Semanticheskie osobennosti leksem mikropolya zhelтого tsveta v proze B.K. Zaitseva [Semantic features of yellow microfield lexemes in B.K. Zaitseva], in *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2011, issue 2(13), pp. 66–71.

8. Elepova, M.Yu. Estetika V.A. Zhukovskogo v apofaticheskom kontekste [Aesthetics by V.A. Zhukovsky in an apophatic context], in *Diskussiya*, 2012, no. 4(22), pp. 176–178.

9. Fedotov, O.I. Chernoe solntse Ivana Shmeleva [Black sun of Ivan Shmelev], in *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9, Filologiya*, 2013, no. 4, pp. 93–109.

10. Gurevich, P. Spirova, E. Nauka v gorizonte apofatiki [Science in the horizon of apophatic], in *Filosofskaya antropologiya*, 2019, vol. 5, no. 1, pp. 6–25.

11. Grachev, V.I. Kul'turfenomen apofatiki «Dialektiki mifa» A.F. Loseva v kontekste topokhronno-aksiogennoy paradigmy kul'tury [Culturphenomenon of apophaticism "Dialectics of myth" by A.F. Losev in the context of the topochronous-axiogenic paradigm of culture], in *Kul'tura kul'tury*, 2019, no. 3. Available at: <http://cult-cult.ru/cultures-the-phenomenon-of-apophatic-the-dialectics-of-myth-by-a-f-losev> (data obrashheniya: 22.03.2021).

12. Mishen'kina, E.V. Kontsept «svet – tsvet» v etnopsikhologiyistike [The concept "light – color" in ethnopsycholinguistics], in *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*, 2010, no. 1, pp. 218–221.

13. Okeanskiy, V.P. Etosy zhizni i smerti u Khomyakova i Shopengauera (kul'turologicheskie razmyshleniya k obosnovaniyu sopostavleniya) [Ethos of life and death in Khomyakov and Schopenhauer (cultural reflections to justify the comparison)], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2011, issue 3(31), pp. 125–136.

14. Varava, V.V. Filosofskaya tanatologiya ili apofaticheskaya filosofiya? [Philosophical thanatology or apophatic philosophy?], in *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 2013, no. 2(145), issue 23, pp. 112–117.

15. Zakharova, V.T., Olyander, L.K. Tsvet, svet i t'ma v narrativnoy sisteme gor'kovskogo tsikla «Po Rusi» [Color, light and darkness in the narrative system of the Gorky cycle "In Russia"], in *Vestnik Minskogo universiteta*, 2015, no. 4(12). Available at: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/97/98#> (data obrashheniya: 17.03.2021).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

16. Braginskaya, N.V., Shmaina-Velikanova, A.I. Svet vecherniy i svet nevecherniy [Evening light and non-evening light], in *Dva venka: Posvyashchenie Ol'ge Sedakovoy* [Two wreaths: Dedicated to Olga Sedakova.]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2013, pp. 73–92.

17. Shtayner, R. *Sushchnost' tsvetov: Tri leksii, pročitannye v Dornakhe 6, 7 i 8 maya 1921 goda, a takzhe devyat' leksiy v kachestve dopolneniya iz leksionnogo naslediya 1914–1924 gg.* [The essence of flowers: Three lectures given at Dornach on May 6, 7 and 8, 1921, and nine additional lectures from the 1914–1924 lecture legacy]. Saint-Petersburg: Klyuchi, 2017. 304 p.

18. Khaydegger, M. *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow: Respublika, 1993. 447 p.

19. *Proektivnyy filosofskiy slovar'* [Projective Philosophical Dictionary]. Saint-Petersburg: Mezhdunarodnaya kafedra (YuNESKO) po filosofii i etike Sankt-Peterb. nauchnogo tsentra RAN, 2002. 512 p.

20. Levit, A.Ya. *Kul'turologiya. XX vek: slovar'* [Culturology. XX century: dictionary]. Saint-Petersburg: Universitetskaya kniga, 1997. 640 p.

21. Medrish, D.N. Syuzhetnaya situatsiya v russkoy narodnoy lirike i v proizvedeniyakh A.P. Chekhova [The plot situation in Russian folk poetry and in the works of A.P. Chekhov], in *Slavyanskie literatury i fol'klor. Russkiy fol'klor* [Slavic literature and folklore. Russian folklore]. Leningrad: Nauka, 1978, vol. XVIII, pp. 73–95.

(Monographs)

22. Itten, I. *Iskusstvo tsveta* [The Art of Color]. Moscow: D. Aronov, 2008. 96 p.

23. Serov, N.V. *Svetotsvetovaya terapiya (Terapevticheskoe znachenie tsveta: informatsiya – tsvet – intellekt)* [Light-color therapy (Therapeutic value of color: information – color – intelligence)]. Saint-Petersburg: Rech', 2001. 256 p.

24. Larionova, M.Ch. Povesť A.P. Chekhova «Step'» v aspekte traditsionnoy kultury [The story of A.P. Chekhov's "Steppe" in the aspect of traditional culture], in *Desyat' shagov po «Stepi»* [Ten steps on the «Steppe»]. Idyllwild: Charles Schlacks, Jr. Publisher, 2017, pp. 74–91.

25. Frayer, Kh. *Teoriya ob"ektivnogo dukha. Vvedenie v kul'turfilosofiyu* [Theory of the objective spirit. Introduction to cultural philosophy]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2013. 359 p.

26. Eliade, M. *Svyashchennoe i mirskoe* [Sacred and secular]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1994. 144 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

27. Poltavskaya, E.A. *Evolyutsiya khudozhestvennogo soznaniya v tvorchestve B.K. Zaitseva: dis. ... kand. filol. nauk* [The evolution of artistic consciousness in the work of B.K. Zaitsev. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2018. 153 p.